

Юбилейная Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения Анны Ахматовой и 30-летию Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург, 23–25 июня 2019 г.)

В рамках трехдневной научной конференции **ПроЧтение Ахматовой**, прошедшей в Санкт-Петербурге 23–25 июня 2019 г., были проведены три «Круглых стола» и «Ахматовские чтения».

23 июня в Белом зале Шереметевского дворца состоялся круглый стол «Ахматова. Тоска по мировой культуре. Актуальный взгляд профессионального читателя». Модераторы – заместитель гл. редактора журнала «Знамя», литературный критик *Наталья Иванова* и профессор *Олег Лекманов*. Участников приветствовала директор музея Ахматовой в Фонтанном Доме *Нина Попова*, определившая жанр предстоящего собрания «профессиональных читателей» как диалог, устный рассказ о творчестве и личности Ахматовой, которая отстаивала свою литературную и гражданскую позицию в гордом одиночестве, независимо от мнения подавляющего большинства. Это важно для современной эпохи.

Польский исследователь литературы и переводчик *Адам Поморский* (лауреат награды журнала «Звезда» 2018 г. за историко-философское эссе «Анна вся земли») заметил, что тоска по мировой культуре является определяющей чертой культуры модернизма, ушедшей в небытие и сменившейся «постмодернистским газоном». Поморский наметил ключевые темы обсуждения в формате круглого стола: степень востребованности творчества Ахматовой сегодня, неизбежность знакомства со «зрелой» поэзией Ахматовой (иначе есть вероятность «загнать» ее в рамки альбомной лирики), глубинность связи Ахматовой с модернизмом, которая сказывается и в такой особенности ее творчества, как ирония и гротеск. Самый, пожалуй, известный исследователь жизни и творчества Ахматовой *Роман Тименчик* подтвердил важность прочтения Ахматовой «с конца», подчеркнув, что Ахматова была озабочена пониманием структурной основы своего творчества, особенно в последние годы жизни.

Тименчик указал на продуктивность биографического подхода к Ахматовой, которая в качестве исследователя литературы именно так подошла к Блоку, Гумилеву, Пушкину. Однако этот подход должен быть адекватным и осторожным. Тименчик привел не самый худший пример – интерпретацию стихотворения Ахматовой «Где, высокая, твой цыганенок...» в книге О. Черненьковой «Воин и Дева», когда при обращении к дате под стихотворением не был учтен закон, которому подчиняются все стихи Ахматовой – закон отложенной во времени авторизированной фиксации событий. *Мария Черняк* поделилась результатами социологического опроса среди студентов-филологов. Выясняя степень актуальности поэзии Ахматовой, Черняк предлагала опознать отрывки из самых известных текстов поэта. Результаты были неутешительными, хотя ассоциативный ряд предполагаемых студентами авторов был близок Ахматовой – Гумилев, Блок, Северянин и пр. По мнению Черняк, в восприятии творчества Ахматовой сказываются штампы ЕГЭ и превращение ее имени в предмет масскульта. *Андрей Арьев* предложил слушателям более узкую тему – анализ ремарки из «Энума Элиш»: «Фрося гримирует Х. Она уже в “костюме”, т.е. босая с распущенной темной гривой, смотрится в черный обломок зеркала». Арьев адресовал портретную деталь – «распущенную гриву» ахматовской героини к Леди Годиве в стихотворении Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан...», а через нее – к легенде о самоотверженности англосаксонской графини и к поведению самой Ахматовой в творческих и внетворческих ситуациях. Украинская исследовательница *Полина Поберезкина* остановилась на непростых проблемах ахматоведения: растет поток поддельных рукописей, отсутствует академическое собрание сочинений Ахматовой (исключением является научное издание «Поэмы без Героя», осуществленное Н. И. Крайневой), нуждаются в переиздании «Записки» Ахматовой (тут кропотливую комментаторскую работу ведет Р. Д. Тименчик). Остро стоит проблема библиографических источников, особенно это касается провинциальной печати предреволюционных и революционных лет, эмигрантской межвоенной печати и пр. Сама докладчица готовит к выпуску книгу об украинском контексте акмеистов – Ахматовой и Мандельштама (с 1911 по 2011 г.). В области печатных научных источников были и потери, и приобретения: завершились выпуски Ахматовского Крымского сборника (что отчасти связано с кончиной ахматоведа Г. М. Темненко), но появился издательский центр «Азбуковник» (в работе конференции принимала участие его представитель – Ирина Барсел [Григорович]), выпустивший труды В. Мусатова, Л. Кихней, П. Поберезкиной. Издаваемые сейчас книги, касающиеся литературы и литераторов начала XX в. (например, «Мандельштамовская энциклопедия»), сталкиваются с проблемой адресата: на кого рассчитывать – на массового потребителя или на академическую среду? В целом, нерешенных литературоведческих и источниковедческих проблем в ахматоведении довольно много.

Немалый интерес вызвали сообщения других зарубежных исследователей. Переводчица *Пирио Аалтонен* рассказала о восприятии Ахматовой массовым финским читателем, отметив, что на литературных сайтах, в блогах о литературе имя русской поэтессы упоминается очень часто. *Марко Саббатини* из Пизанского

университета согласился с мнением А. Поморского о том, что читать Ахматову надо, начиная с ее последних произведений, с «Поэмы без Героя». Итальянский славист назвал Ахматову «поэтом молитвы». К слову, на этическом содержании поэмы, на проблеме невольного греха и зла, остановился в своем выступлении петербуржец – поэт *Сергей Стратановский*. Литературовед из Любляны *Нежа Зайц* подробно представила слушателям свою книгу «Введение в поэтику Анны Андреевны Ахматовой» (2015), а докторант из Вильнюсского университета *Алена-София Ивинская* поделилась результатами своей работы над библиографией переводов стихов Ахматовой на литовский язык.

В этот же день прошел второй круглый стол «Ахматова и творческая практика сегодня». Модератором выступила «поэтка» (используем термин, постоянно звучащий на этом круглом столе), прозаик и литературовед *Полина Барскова*. Она обозначила центральную тему диалога литераторов – актуальность поэтической деятельности Ахматовой для современности. По мнению Барсковой, поэзия Ахматовой актуальна, так как продолжает производить новые тексты самого разного рода, вплоть до табуировок ее поэтических строк на теле читателей. Помимо этого собрание данного круглого стола – поэты, переводчики и одновременно исследователи литературы – являет собой сколок с самой Ахматовой – поэта, который, занимаясь пушкинистикой, «работал на себя как на поэта». Сейчас, подчеркнула Барскова, как раз время сочетаний творческих траекторий подобного рода. Третий тезис ведущей был связан с современным кризисом романной формы, когда продуктивным становится жанр нон-фикшн. В таком контексте очень актуальны записки Ахматовой, как и ее работа с гротескными, абсурдными формами.

Открыл круглый стол *Илья Кукулин*. Опираясь на эссе М. Айзенберга «Возможность высказывания» (1994), он начал выступление с заявления, что современный поэт практически ничего не может «просто взять» у Ахматовой. Речь должна идти не о заимствованиях, влияниях, а об аналогиях, о культурной реакции на Ахматову. В рамках аналогий и конвергенции между творчеством Ахматовой и современной поэзией можно говорить о женской телесной практике, о табуированном во времена ранней Ахматовой женском повседневном опыте и о политически табуированном опыте Ахматовой зрелых лет. Кукулин назвал двух современных «поэток», которые, на его взгляд, представляют такого рода не проговариваемый опыт – Евгению Сулову и Екатерину Симонову. Помимо этого, для этих «поэток» существенен такой элемент поэтики Ахматовой, как «невстреча» – существование/несуществование события или текста, их диалектика, способ говорения о пересечении реального и виртуального миров. Это не продолжение Ахматовой, не следование учеников по стопам учителя, а произвольный диалог современных авторов с представительницей героического «века поэтов» (А. Бадью), как представила Ахматову *Елена Фанайлова*. Фанайлова назвала Ахматову поэтом высочайшей степени интеллектуальной ответственности, литератором, который представил в своем творчестве жизнь поэта в контексте истории. Тексты Ахматовой, по наблюдению Фанайловой, включаются в международный, многонациональный нарратив истории террора, а размышлять

о русской поэтессе следует в контексте женщин, которые мыслили исторически и политически – так, как Н. Я. Мандельштам, Л. Я. Гинзбург, Л. К. Чуковская, Ханна Арендт. Исторические формулировки и историческое чутье Ахматовой работают и сейчас. Это нашло отражение, к примеру, в книге ученика Исаяи Берлина Тимоти Снайдера, автора книги «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным». Источником заглавия этой многостраничной книги стало стихотворение Ахматовой «Не бывать тебе в живых...», написанное в 1921 г. после ареста Н. Гумилева («Любит, любит кровушку / Русская земля»). Продолжая тему «Ахматова и история (Ахматова в истории)», Валерий Шубинский рассуждал о ее попытках возвращения в историю из внеисторического времени в ситуации распавшейся связи времен. По мнению Шубинского, ранняя Ахматова, соблазнительная красавица 13-го года, и поздняя Ахматова, «смирненная... видом величавая жена» существуют параллельно, не переходя друг в друга. Это связано с особенностями русской истории и биографией людей из поколения Ахматовой. История прервалась, выйдя в пространство утопическое, архаичное. До определенного времени Ахматова, в отличие от Мандельштама и Пастернака, не принимала участие в поэтическом осмыслении подобного прерывания исторической последовательности. Казенные темы (сталинский цикл) в ее поэзии бездушны. Позднее в осмыслении ею истории наметились две стратегии: фиксация выпавшего из истории времени («Энума Элиш») и восстановление исторического времени («Поэма без Героя»). Отдельного внимания в выступлении Шубинского удостоились взаимоотношения Ахматовой и обэриутов: от их взаимного отторжения до контактов в конце 30-х–40-е гг. Обэриуты острее ощущали выпадение из истории, но не боролись с этим, а возвели ситуацию в некий принцип – существование после конца света. Ахматова же противостояла внеисторическому существованию, взяв на себя в 60-е гг. обязанности реконструктора истории. Эта «технология» возвращения истории из внеисторического времени – самое актуальное, согласно Шубинскому, что имеется в ахматовском наследии. Ирина Сандомирская также акцентировала историзирующее письмо Ахматовой, отказавшейся от лирического дневника. Обратившись к теории реставрации, Сандомирская остановилась на взаимоисключающих понятиях руины и лакуны. Первая говорит нам о ходе времени, созерцая руины, мы любимся превращением артефакта (культуры) в природу. Вторая ставит вопрос о целостности: лакуна агрессивна, вторгается в повествование, к примеру, живописного холста, рассказывает свою историю, пытаясь превратить целостный нарратив в свой фон, нарушает его смысл повествованием о своей катастрофе. Реставраторы (в данном случае последующие поколения) должны реинтегрировать лакуну, не допустить нарративной двусмысленности. Прошлое смотрит на нас из такой лакуны, и есть надежда, что подобное вторжение лакуны расскажет нам что-то такое, что не расскажет рамочный большой нарратив. В поэзии Ахматовой в качестве таких лакун можно рассматривать датировки ее текстов как знак присутствия через отсутствие, как часть поэтического замысла. Продолжая суждения Сандомирской, Александр Скидан подчеркнул важность лакун как структурно-конструктивного принципа творчества у поздней и ранней Ахматовой. С другой стороны, Скидан несколько

откорректировал мнение *Елены Костылевой*, которая говорила о сексуальности поэзии ранней Ахматовой как конструирующей человека силе (и это, с точки зрения Костылевой, очень современно) и о предельной, «невыносимой» сексуализированности ахматовской ранней поэтики, о ее «эротических» детали и жесте. Скидан же подчеркнул драматическую структуру стихов ранней Ахматовой – диалектику местоимений, то есть «сексуацию» субъекта через другого. Опираясь на собственный опыт, Скидан рассказал, как «пришел» к поэзии Ахматовой через ее пушкинские штудии, в которых последнее слово пушкиноведения не заслоняет поэтическое воображение и бесстрашие. Скидан также отметил наличие в поле современной культуры ахматовского гипертекста, из которого современному поколению поэтов сложно «выбраться», отделяя биографический ахматовский текст от поэтического.

Подводя итоги круглого стола, Полина Барскова обратила внимание присутствующих на то, что сегодня можно находиться с Ахматовой в «рабочих отношениях», если подвергнуть ее поэзию и поэтику деконструкции, выбирая для себя из Ахматовой то, что «работает на тебя». В любом случае, заметила модератор, все выступавшие в этот день (23 июня) сделали Ахматову живой, сложной, «краздражающей».

Второй день конференции открылся проектом музея Ахматовой в Фонтанном Доме – фотогалереей «Настоящий двадцатый век». Было представлено более 200 подлинных фотографий современников Анны Ахматовой из собрания музея. Эта уникальная иконография писателей, художников, актеров, музыкантов, редакторов, близких и друзей Ахматовой, о которой поведала заведующая отделом выставок и проектов музея *Жанна Телевицкая*, выступает своеобразным документом эпохи, ее летописью в лицах. Особые эмоции у участников конференции вызывали те люди, которые могли прокомментировать отдельные фотографии, на которых запечатлены они сами. Это историк, краевед, литературовед *Ирина (Ирэна) Вербловская* и историк искусства, научный сотрудник Эрмитажа *Эра Коробова*.

Второе событие этого дня – презентация новой книги директора музея Ахматовой в Фонтанном Доме *Н. И. Поповой* и заведующей научно-просветительским отделом музея *Т. С. Поздняковой* «В том доме было...» (С.-Петербург, 2019). Авторы рассказали о структуре книги: речь в ней идет о Фонтанном Доме и о людях, которые были с ним связаны: о семье искусствоведа Н. Пунина, соседях по коммуналке, близких друзьях Ахматовой (Б. Пильняке, чете Замятиных, сестрах Данько, В. Срезневской и др.). Отдельная глава посвящена тем одиннадцати людям, памяти которых Ахматова доверила «Реквием». «Ни один из них меня не предал», – говорила Ахматова. Увы, это не так – авторы рассказали и о предавшем. Заключает книгу глава о «великолепном мраке чужого сада», о Шереметевском парке.

В этот же день состоялся еще один круглый стол. На этот раз Белый зал был отдан музейным работникам: «Музей Поэта сегодня» – такова была тема этого собрания. Обсуждались вопросы, связанные с музейными экспозициями как художественным высказыванием, с функцией музея «как портала в поэтический текст», с ролью литературного музея в жизни современной молодежи и др. Интересным был рассказ гости из Москвы *Марины Красновой* о проекте «Маяковский. Универсальный ответ

записочникам» в музее В. В. Маяковского, который дает представление о слушателе-зрителе Маяковского в 1920–30-е гг. Не менее интересным было описание выставки, которая современным языком (в виде интернет-блога) рассказывала о путешествиях Маяковского за границу. Модератор круглого стола *Наталья Громова*, имеющая прямое отношение к музейному делу, размышляла о том, какие современные способы вхождения в художественный текст (к примеру, театрализация) может использовать литературный музей. *Марина Ерисанова* из дома-музея Б. Л. Пастернака в Переделкине настаивала на том, что задачей музея является создание «пространства для думания» как самих музейщиков, так и посетителей. Ерисанова рассказала об опыте выставки одного произведения Пастернака – стихотворения «Август». С большим вниманием было встречено выступление режиссера и сценариста *Романа Либерова*, который продемонстрировал фотографии уникальной инсталляции «Сохрани мою речь навсегда» (приуроченной к 80-летию гибели О. Мандельштама) в московском Еврейском музее. Коридор музея был превращен в аркаду, где каждая из арок стала своеобразным переводом судьбы поэта на язык визуального искусства. На этой выставке экспонировались коллажи, уникальные автографы, первоиздания и сохранившиеся вещи Мандельштама. Не менее увлекательным был рассказ о проектах хозяев конференции – сотрудников музея Ахматовой в Фонтанном Доме. Здесь в рамках проекта «В предлагаемых обстоятельствах...» было создано два спектакля для старшеклассников: выставка – квест – диспут по произведениям братьев Стругацких и по трагедии Шекспира «Romeo and Juliet». К Шекспиру обращен и еще один проект музея – иммерсивная выставка «Гамлет. Аттракцион» (кураторы выставки – *Светлана Прасолова* и *Ксения Меньшикова*), предлагающая молодым людям «прочитать» не события трагедии, а «состояния» главного героя. Авторский проект *Ксении Зерниной* и *Ксении Меньшиковой* «Мы с тобой на кухне посидим...» предназначен для детей: он включает в себя медленное чтение детских стихи Мандельштама (из сборников «Примус» и «Кухня»), игры с предметами (не вещью, но утварью!) на кухне музея, изготовление аппликаций. Именно так в этом проекте была реализована идея «домашнего эллинизма» Мандельштама. Главный редактор портала Brodskiy.online *Павел Котляр* рассказал о готовящемся в 2020 г. открытии мемориального музея-квартиры И. Бродского. Есть реальное подлинное пространство (дополненные «полторы комнаты»), но каковы задачи этого литературного музея: музей про жизнь Бродского? музей о его времени? музей о текстах поэта? Славист из Генуи *Августа Докукина-Бобель* рассказала о своих изысканиях в области идентифицированных ею с Ахматовой рисунков на выставке Модильяни в Венеции в 1993 г. Как известно, Ахматова утверждала, что было 16 рисунков Модильяни, уцелел лишь один. Докукина добавила к ним еще 11. Коснулась итальянская гостья и скульптурных изображений Ахматовой, выполненных Модильяни. Речь шла не о буквальных портретах Ахматовой: будущая знаменитая поэтесса выступала, скорее всего, в роли идеальной для Модильяни модели.

Заключительный день конференции – 25 июня – прошел в конференц-зале Российской национальной библиотеки. Заседание «Ахматовские чтения 2019» вела

старший научный сотрудник Отдела рукописей РНБ, текстолог *Наталья Крайнева*. Доклад *Любови Кихней* (Москва) был посвящен репутационным стратегиям Ахматовой. Были очерчены внешняя стратегия поэта и внутренняя, зафиксированная непосредственно в текстах. Говоря о первой, Кихней остановилась на «оттепельном» периоде ахматовского бытия, отметив борьбу поэта за свой литературно-публицистический облик, выстраивание литературной биографии, попытки написания официальной автобиографии, создание определенного хабитарного имиджа и др. Но более интересной, с точки зрения докладчицы, является имплицитная стратегия Ахматовой: создание впечатления о себе в стихах началось с первых сборников, когда облик лирической героини совпал с горизонтом ожидания читателей, а имидж Ахматовой соответствовал ее стихам. Сборник «Белая стая» знаменует приход иного репутационного имиджа – пророчицы, а в 1940-е гг. Ахматова избирает две репутационные тактики – катакомбную и эдипову. Новосибирская исследовательница *Елена Куликова* выступила с докладом, посвященным балладному прочтению ахматовского стихотворения «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...». Куликова исследовала современный для Ахматовой контекст балладного жанра (героическая линия Н. Гумилева и Н. Тихонова), а также его литературные корни (В. Жуковский, М. Лермонтов) и представила подробный анализ заявленного в названии стихотворения. Фольклорные стилизации Ахматовой и поэтов Серебряного века были предметом выступления еще одной новосибирской исследовательницы – *Елены Капинос*. Она остановилась на изданном в 1913 г. сборнике «частушек-коротушек» В. Князева, собранных в Санкт-петербургской губернии (и, в частности, в Царском Селе). Частушечные стилизации (имитации) Ахматовой относятся, приблизительно, к тому же времени. С некоторыми дополнениями и уточнениями к интерпретации стихотворения «Летний сад» познакомила слушателей *Галина Михайлова* (Вильнюс), которая отметила имеющийся в стихотворении реминисцентный слой из «Четырех квартетов» Элиота и малой прозы Дж. Джойса. В свете европейского культурного топоса *danse macarbe* была рассмотрена и «Поэма без Героя». Этот мотив заинтересовал французского слависта *Татьяну Викторофф*, отметившую, что в неожиданном, на первый взгляд, сочетании в этой поэме трагедии и танца, открываются смысловые глубины, связанные с пугающим и утешающим ликом Смерти в живописной и литературной традиции «плясок смерти». *Ольга Рубинчик* (Санкт-Петербург) обратила внимание слушателей на сходство двух стихотворений: ахматовского «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922) и стихотворения «Не с теми я, кто жизнь встречает...» (1913) Натальи Крандиевской (которую, по замечанию Р. Тименчика, противопоставляли акмеистам). Рубинчик интерпретировала стихотворение Ахматовой как поздний ответ Крандиевской и срочный ответ А. Н. Толстому. Тюменский филолог *Александр Медведев* представил свои суждения о розановском «слое» в творчестве Ахматовой. Выступавший оговорил восприятие Василия Розанова Цветаевой и Мандельштамом, отметил, что воспоминания дочери Розанова, с которой Ахматова была знакома, полностью не опубликованы. Ахматова точно подметила филологичность прозы Розанова, и, возможно, отмеченные в мемуарах

3. Гиппиус и акцентированные в бакстовском портрете Розанова «поблескивающие очки» явились источником лаконичного портрета писателя в либретто «Поэмы без Героя». Научный сотрудник Пушкинского Дома *Татьяна Игошева* выступила с докладом «О проекции образа А. Ахматовой в творчестве М. Зенкевича 1920–1930-х гг.». Игошева отметила, что цикл «Мясные ряды» в первой книге Михаила Зенкевича «Дикая порфира» (1912) посвящен Ахматовой. Кстати, две книги поэтов – «Вечер» и «Дикая порфира», изданные в 1912 г. с эмблемой лиры, «встретились» в 1912 г., равно как в 1960-е гг. пересеклась книга переводов Зенкевича «Поэты XX века» и ахматовский «Бег времени». Встречи Зенкевича с Ахматовой описаны в его беллетристических мемуарах «Мужицкий сфинкс», где Ахматова выступила прообразом демонической героини Эльги. Исследовательница подчеркнула, что и в неопубликованной поэме Зенкевича «Торжество авиации» образ «титулованной леди» также несет в себе черты Ахматовой (вуаль, перчатки, зеркало, мотивный комплекс луны). Коллега Т. Игошевой, *Галина Петрова* обратилась к теме «Ахматова и “Весенний салон поэтов”» (1918)». В этом сборнике Ахматова опубликовала пять стихотворений: диптих «Июль 1914», «Утешение», «Тот голос, с тишиной великой споря...» и «Из памяти твоей...». По мнению исследовательницы, эта публикация была значимой для Ахматовой, она о ней помнила, хотя большого резонанса сборник не вызвал. Опубликованные в «Весеннем салоне» стихи были известны по «Белой стае», но в разных их публикациях есть не масштабные, но принципиальные разночтения. Публикация в «Весеннем салоне» не является случайной – она реализует некий авторский вариант единого художественного целого, разворачивая сверхсюжет воскрешения из мертвых. Роман *Тименчик* (Израиль) прочел доклад «Школа читателей Ахматовой». Ахматова, как заметил Тименчик, портретировала себя с книгой в руке, вписывая момент чтения книги в свои стихи, подчеркивая момент перечитывания. Докладчик выделил некоторые особенности читателей Ахматовой. Ее читатель выступает в роли ее ученика – это зафиксировано в воспоминаниях известных поэтов А. Вознесенского, В. Тушновой, Е. Евтушенко. Особый слой составляли читательницы Ахматовой – «отличницы», подражательницы – все те, кого она «научила говорить». Строки ахматовских стихов становились, говоря современным языком, «мемами»: беличья шкурка, ложа пятая пуста и пр. Стихи Ахматовой «перескакивали» поверх эстетических и социальных барьеров – их читали и утонченные девицы, и работницы (особенно после статей А. Коллонтай).

Ряд докладов был посвящен восстановлению либо уточнению и дополнению определенных лакун в литературной и внелитературной коммуникации Ахматовой. *Полина Поберезкина* (Киев) поделилась предварительными итогами своей работы над темой «Анна Ахматова и Давид Самойлов». Поберезкина провела инвентаризацию источников, в которых упоминаются (либо не упоминаются, хотя имели место) контакты двух поэтов, проанализировала инскрипты Ахматовой, касающиеся Самойлова, отметила разницу «реплик» поэтов, адресованных друг другу – устных у Ахматовой и письменных у Самойлова. Последний «переплавил» свое общение с Ахматовой в художественной форме, превращая в отдельных своих

произведениях диалог в полилог, где третьим собеседником выступает Пушкин. Старший научный сотрудник Рукописного отдела Пушкинского Дома *Наталья Прозорова* представила анализ неопубликованных записных книжек поэта Сергея Наровчатова 1965 г., то есть того года, который Ахматова определяла для себя как рубежный. Наровчатов записывал встречи с поэтом и ее просьбу вмешаться в дело И. Бродского. Библиофил и страстный любитель зарубежных поездок, Наровчатов, занимавший довольно независимую позицию в расстановке советских писательских сил («я сам себе группировка»), выражает в своих записях обеспокоенность своей номенклатурной позицией в случае оказания такой помощи. Тем не менее, он способствовал публикации Ахматовой в «Литературной газете», хотя особого успеха это не имело: ее оригинальные стихи были забракованы, опубликованы (с предисловием Наровчатова) только переводы. *Марко Саббатини* (Италия) в докладе «О восприятии творчества Ахматовой в Италии в 1960-х – 1970-х гг.» подчеркнул роль литературоведа Джанкарло Вигорелли – посредника и медиатора между европейскими писателями и Союзом писателей СССР – в утверждении личности и творчества Ахматовой в сознании не только итальянских читателей, но и европейских в целом. Будучи до 1968 г. генеральным секретарем Европейского сообщества писателей, Вигорелли поддерживал культ и дух панъевропеизма этой организации, проявляя любопытство к новому поколению русских поэтов и к тем, кто, как Ахматова, воплощал для него саму идею панъевропеизма. Ему удалось лично познакомиться с Ахматовой, он же, получив поддержку от Хрущева, пригласил Ахматову в Италию, продвигая ее на «мировой пьедестал». Докладчица из Литвы А.-С. Ивинская, финская переводчица П. Аалтонен, славист из Тегерана Я. Марзие и переводчик из Иерусалима А. Дикман выступили с сообщениями о восприятии Ахматовой в своих странах и о ее месте в культурной жизни Литвы, Финляндии, Ирана и Израиля. *Алена-София Ивинская* познакомила слушателей с собранными ею сведениями о переводчиках Ахматовой, начиная с 1916 г., а также с выдержками из дневников и мемуаров литовских писателей-эмигрантов, внимательно следивших в 1960–70-е гг. за судьбой и публикациями Ахматовой. *Аминадав Дикман* приобщил участников конференции к переводам Ахматовой на иврит, начиная с 1921 г. Среди переводчиков он выделил Рахель Блувштейн (переводившую, помимо Ахматовой, Пушкина, Анненского, Ходасевича, Шкапскую) и Элишеву. *Пирио Аалтонен* уделила внимание некоторым культурным проектам, связанным с Ахматовой. В частности, реализации на финской сцене пьесы Э. Сиксу «Черный парус Белый парус», повествующей о судьбе Ахматовой, Лидии Гинзбург и Лидии Чуковской, телевизионным передачам финского телевидения (например, «Шесть картин из жизни замечательных людей»), героинями которых становилась Ахматова. О диалогизме лирики Ахматовой в сопоставлении с лирикой иранской поэтессы Парвин Этсами рассказала *Яхьяпур Марзие*. Любопытными фотодокументами, связанными с родственным окружением Ахматовой (фотографии из семейного альбома сенатора В. А. Александрова), поделился с собравшимися руководителем центра генеалогии при РНБ *Игорь Сахаров*. Конференцию завершило мемуарное выступление москвички *Ирины*

Барсел (Григорович) «Хранитель – первые шаги», посвященное создателю первого музея Ахматовой С. Д. Умникову. Барсел представила отрывок из своего давнего интервью с подвижником и просветителем в его квартире-музее (сейчас коллекция Умникова находится в фондах Царскосельской гимназии). В дополнение к этому выступлению Полина Поберезкина отметила, что к формату домашнего музея Умникова приобщила в 1958–1959 гг. киевлянка Е. М. Ольшанская, которая более сорока лет собирала ахматовские материалы для подобного музея.

Подводя итоги, скажем, что усилиями организаторов – Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме и Российской национальной библиотеки – необычайно интенсивная юбилейная конференция объединила несколько видов работы: круглый стол, академические чтения, презентации музейного опыта и новых книг, поэтические вечера (к примеру, выступление актрисы Юлии Рутберг и композитора и музыканта Вячеслава Гайворонского с авторским проектом «Десять вопросов к Ахматовой» в саду Фонтанного Дома). Несмотря на обилие трудов, посвященных личности и творчеству Ахматовой, мифологизацию ее образа (которую отчасти генерируют те же труды), абсолютно очевидно, что этот поэт открыт для дальнейшего исследования, для новых тем и современных подходов.

Галина Михайлова